

Предиспозиционные факторы кибервиктимизации подростков: сравнительный анализ результатов исследований

Екимова В.И.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Брыкова Е.Ю.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0748-4268>, e-mail: rea039@mail.ru

Козлова А.Б.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Литвинова А.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ данных современных зарубежных публикаций по проблемам киберагрессии и предрасположенности подростков к кибервиктимизации. Обсуждаются результаты крупномасштабных системно- и метааналитических исследований многочисленных факторов риска вовлечения подростков в агрессивное взаимодействие в киберпространстве, анализируются протективные ресурсы, обеспечивающие защиту юных пользователей от киберпреследования. Анализируются негативные стороны повышенного интереса специалистов к проблеме киберагрессии, угрожающие обоснованности научных выводов, — «дихотомия множественности». Особое внимание уделено предиспозиционным факторам кибервиктимизации подростков в онлайн-пространстве: системным, контекстно-ситуационным, личностным и симптоматическим. Приведены результаты собственного исследования зон особой уязвимости подростков в виртуальном пространстве: проблематичного использования Интернета и социальных когнитивно-поведенческих установок — эмоциональной интолерантности в общении. Обозначены научные и практические перспективы использования модели предрасположенности (уязвимости) в исследовании причин и психологических механизмов кибервиктимизации подростков.

Ключевые слова: кибервиктимизация, киберагрессия, кибербуллинг, интернет-коммуникация, предрасположенность, проблематичное использование Интернета, социальные установки.

Для цитаты: Предиспозиционные факторы кибервиктимизации подростков: сравнительный анализ результатов исследований / В.И. Екимова, Е.Ю. Брыкова, А.Б. Козлова, А.В. Литвинова [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 151—164. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130314>

Predisposing Factors of Cybervictimization among Adolescents: Comparative Analysis of Research Results

Valentina I. Ekimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Elena Ju. Brykova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0748-4268>, e-mail: rea039@mail.ru

Alina B. Kozlova

State University of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Anna V. Litvinova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

The article presents a comparative analysis of data from modern foreign publications on the problem of cyber aggression and the predisposition of adolescents to cyber victimization. The results of large-scale systematic and meta-analytic studies of numerous risk factors for adolescents' involvement in aggressive interactions in cyberspace are discussed, and the protective resources that prevent the young users' involvement in cyberstalking are analyzed. The negative aspects of the specialists' increased interest in the problem of cyber aggression — the “dichotomy of multiplicity” — are analyzed. Particular attention is paid to the prepositional factors of cyber victimization of adolescents in the online space: systemic, contextual-situational, personal and symptomatic. The results of our own research into key areas of vulnerability of adolescents in the virtual communication space are presented, such as problematic use of the Internet and cognitive-behavioral attitudes of adolescents (emotional intolerance in communication). Scientific and practical prospects for using the model of predisposition (vulnerability) to study the causes and psychological mechanisms of adolescent' cyber victimization are outlined.

Keywords: cyber victimization, cyber aggression, cyber bullying, Internet communication, predisposition, problematic use of the Internet, social attitudes.

For citation: Ekimova V.I., Brykova E.Ju., Kozlova A.B., Litvinova A.V. Predisposing Factors of Cybervictimization among Adolescents: Comparative Analysis of Research Results [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130314> (In Russ.).

Введение

Активное развитие и повсеместное распространение информационных и коммуникационных технологий кардинально изменило пространство социального бытия современного человека, вовлекая его в сферу разнообразных виртуальных контактов, многократно увеличивая объем передаваемой и получаемой информации, способствуя быстрому обмену идеями, открытиями и научными достижениями по всему миру. Однако наряду с положительными результатами использования интернет-технологий не замедлили проявить себя негативные последствия глобальной «кибернизации»: все большее смещение вектора межличностных взаимодействий из реального в виртуальное пространство кибер-коммуникаций, активное распространение в Интернете негативной, недостоверной и фэйковой информации, появление феноменов киберагрессии, киберпреступности и кибервиктимизации.

Эти явления исключительно опасны, прежде всего для формирующейся, социально и психологически незрелой личности, поскольку каждый третий пользователь Интернета в мире является ребенком, который владеет смартфоном в среднем с десяти лет, а количество часов, проведенных им в интернет-сети, увеличивается с возрастом вместе со всеми связанными с этим угрозами и рисками [2; 4; 12; 29]. Кибербуллинг является одной из наиболее распространенных среди молодежи форм социальной агрессии в интернет-пространстве, которое обеспечивает преследователю анонимность, а часто и безнаказанность, что делает издевательства проще, доступнее и опаснее, чем при традиционной травле, следствием чего становится кибервиктимизация [3; 15; 23; 29; 34].

Кибервиктимизация это опыт переживания человеком негативного или агрессивного воздействия через электронные средства коммуникации: полученные сообщения с угрозами, «токсичных» электрон-

ных писем, травля в чат-группах, на сайтах социальных сетей или во время онлайн-игр и др. [30]. Такое поведение может варьироваться от распространения слухов или раскрытия частной конфиденциальной информации без личного согласия пострадавшего до прямых угроз, атак или преследований, т. е. кибербуллинга [5].

Активное распространение и все большее «вращение» интернет-технологий в жизнь современного человека дает возможность агрессору намеренно и многократно причинять вред другим людям двадцать четыре часа в сутки без каких-либо последствий для себя. Практически неограниченное время и пространство, анонимность и массовая аудитория участников кибербуллинга могут привести к длительному масштабному унижению жертвы и к психопатологии, связанной с кибервиктимизацией [26]. У жертвы, как правило: 1) возникают психические нарушения, такие как депрессия, тревожность, суицидальные мысли и психосоматические симптомы (бессонница, головная боль, расстройства пищеварения и др.); 2) обостряются социально-психологические проблемы (социальная дезадаптация, одиночество, изоляция); 3) усиливаются поведенческие девиации (рискованное поведение, злоупотребление психоактивными веществами, самоповреждающее поведение) [8; 11; 12; 14; 19]. Кроме прочего, у подростков, вовлеченных в травлю, увеличивается количество прогулов в школе и резко снижается успеваемость [33; 10].

Несмотря на то, что для предотвращения прямых издевательств со стороны сверстников и кибербуллинга в среде подростков предлагаются и реализуются различные профилактические программы: стратегии STAC, «Нет ловушкам!», Prev@сib и др. [6; 9, 25; 31], — распространенность буллинга и кибербуллинга продолжает расти во всем мире [15].

Вместе с тем в публикациях появляется все больше доказательств наличия отсроченных и долговременных негативных последствий кибербуллинга и кибервиктимизации, что особенно тревожно в свете того факта, что почти каждому подростку так или иначе приходится с ними сталкиваться [2; 3; 5]. В многочисленных исследованиях проблемы отмечается, что кибервиктимизация у подростков однозначно связана: 1) с психосоматическими нарушениями; 2) депрессией; 3) суицидальными мыслями и попытками самоубийства; 4) симптомами посттравматического стрессового расстройства; 5) социальной дезадаптацией, пропуском учебных занятий и академическими проблемами [3; 5; 20; 23; 29]. Виктимизация вследствие киберпреследований в школе может быть фактором, способствующим развитию всех упомянутых проблем в дальнейшем также и во взрослой жизни. Так, кибербуллинг, пережитый в подростковом возрасте, служит предиктором агрессивности взрослых в социальных отношениях и профессиональной деятельности [17].

Факторы риска и факторы защиты от кибербуллинга

За последние пятнадцать лет параллельно возрастанию и все большей глобализации проблемы киберагрессии значительно увеличилось и количество посвященных ей исследований, особенно тех, в которых анализировались факторы риска и факторы защиты от кибернасилия [10; 17; 21; 35]. Наряду с общими для социальной агрессии в реальном и в виртуальном пространствах аспектами [5; 7; 28; 31; 35], авторы много внимания уделяли специфическим для кибербуллинга предикторам и протективным ресурсам [10; 13, 22, 27, 32]. Активно изучались также социальные проблемы, связанные с распространением киберагрессии, такие как неприкосновенность частной жизни и личная безопасность, киберпреследование детей и подростков [21], а также проводилась оценка эффективности программ профилактики распространения кибербуллинга в подростковой среде [10; 5; 6; 25].

Количество публикаций на тему кибербуллинга и кибервиктимизации, вышедших в зарубежных научных изданиях за последние два с половиной года впечатляет: только на платформе Google Scholar размещены библиографические ссылки на 3450 статей, опубликованных в 2022—2023 гг. и на 1260 — в 2024 г. В ряду публикаций постоянно растет количество масштабных (проведенных на тысячных выборках), лонгитюдных и международных исследований, а также аналитических обзоров и метаанализов, сделанных с привлечением сотен научных статей [11, 14, 23; 30, 35]. В то же время активный интерес к не теряющей своей социальной актуальности теме вызвал настоящий «публикационный бум», который связан с рядом негативных для получения научной информации последствий.

Прежде всего обращает на себя внимание гипервариабельность результатов многочисленных исследований — их несовпадение и противоречивость. В частности, данные о распространенности киберагрессии варьируются у разных авторов от 1,0% до 60,4%, а показатели кибервиктимизации — от 0,4% до 92% [5; 21], что плохо согласуется с такими требованиями к научным данным, как надежность и воспроизводимость. Так, в систематическом обзоре исследований кибербуллинга, проведенных в 2015—2019 гг. в Европе, Соединенных Штатах Америки, Китае, Южной Корее, Сингапуре, Малайзии, Израиле и Канаде, был определен средний показатель участия подростков в киберпреследовании — 25,03%, который в разных странах варьировался в диапазоне от 6,0 до 46,3%, а также средний уровень кибервиктимизации — 33,08%, колебавшийся от 13,99 до 57,5%. Сообщалось о самой высокой распространенности кибервиктимизации в Испании (57,5%) и о самых низких ее показателях в Канаде (13,99%) и Южной Корее (14,6%) [10]. Однако в одновременно проводившемся масштабном европейском исследовании EU Kids Online, в котором приняли участие более 25 000 детей в возрасте от 9 до 16 лет, было установлено, что распро-

страненность кибервиктимизации варьируется от 2 до 14%, при этом самые высокие показатели характерны для Эстонии и Румынии, а самые низкие — для Италии и Португалии [16].

В качестве причин столь значительного разброса данных называются: а) недостаточная дифференцированность понятий киберагрессии и киберпреследования, б) различия во временных параметрах измерений и характеристиках измерительных шкал, в) разный возраст участников исследований, г) различия в уровне доступности интернет-технологий в разных регионах и странах [5], что даже если что-то и объясняет, то не проясняет общую «картину болезни».

В последнее десятилетие основным средством преодоления возникших противоречий в зарубежной психологии стало значительное увеличение системно-аналитических и метааналитических исследований, дизайн и методы которых позволяют извлекать из ряда аналогичных публикаций обобщенную информацию и выходить на уровень анализа выявленных закономерностей. В одном из первых систематических обзоров результатов 76 лонгитюдных исследований кибербуллинга и кибервиктимизации подростков, проводившихся в 2007—2017 гг. в Европе, Северной Америке, Океании и Азии [11], были обобщены и сопоставлены взаимосвязи более чем восьмидесяти параметров, объединенных в три группы факторов: 1) факторы, связанные с личностью, такие как социально-демографические данные, личные убеждения, симптомы интернализации (тревога, депрессия) и экстернализации — проблемного поведения (употребление психоактивных веществ, девиантное поведение, самоповреждение); 2) факторы, относящиеся к применению онлайн-технологий (время нахождения в Интернете и его проблематичное использование); 3) факторы окружающей среды (семья, школьный климат, отношения со сверстниками и родителями). В 27 исследованиях приводились показатели распространенности кибербуллинга, которые, в зависимости от типа оценки и контрольного периода, варьировались от 5,3 до 66,2%, и почти в половине (35) — оценки кибервиктимизации в диапазоне от 1,9 до 84,0%.

Для обработки значительного массива данных авторы применили метод моделирования структурными уравнениями — мощный статистический ресурс проверки теоретически обоснованных предположений о предикторах, посредниках и результатах киберпреследования и кибервиктимизации, причем все параметры исследований оценивались одновременно и как предикторы — факторы риска, и как результаты, т. е. последствия вовлечения подростков в кибербуллинг.

Оказалось, что в ряду личностных факторов такие факторы, как моральное одобрение издевательств, субъективное отношение к социальным нормам и правилам, положительное отношение к проявлениям киберагрессии, сниженный уровень самоконтроля и рискованное поведение в Интернете, а также осознание анонимности и безнаказанности, значительно уве-

личивали риск киберагрессивных действий [11]. То есть субъективная позиция принятия и одобрения социальной агрессии, а также недостаточность внутреннего и внешнего контроля являлись основными причинами запуска социального насилия в виртуальном пространстве взаимодействия подростков.

При этом как участие в кибербуллинге, так и кибервиктимизация значительно усугубляли проблемы поведения подростков в школе, вплоть до дисциплинарного отстранения от учебных занятий и значительного снижения академических достижений. Обратное направление воздействия также присутствовало: учащиеся с академическими проблемами намного чаще подвергались кибервиктимизации. Аналогично, интернализированные симптомы кибербуллинга: тревога, чувство одиночества и депрессия, — определялись как негативные последствия виктимизации, но в то же время и тревога, и депрессия являлись предикторами кибервиктимизации, т. е. факторами риска [11].

Отсутствие средств информационной безопасности (средовой фактор) провоцировало кибервиктимизацию подростков, а их рискованное поведение в Интернете (личностный фактор), в частности использование агрессивного медиаконтента, заметно увеличивало риск вовлечения в киберагрессию, особенно среди юношей. Аналогичным образом онлайн-контакты с незнакомцами повышали риск кибервиктимизации, а проблематичное использование Интернета и интернет-зависимость были взаимосвязаны с киберагрессией.

В группе факторов окружающей среды выделялись отдельные подгруппы факторов риска/защиты от кибербуллинга, связанные, во-первых, с родителями и контекстом семейных отношений (семейный конфликт, тип привязанности), во-вторых, с отношениями со сверстниками (популярность, признание сверстников, отношение к групповым нормам) и, в-третьих, со школьной средой (школьный климат, отношения с учителями, психологическая безопасность и политика школы) [11; 23].

В ряде аналитических обзоров описывались не три, а две группы факторов риска/защиты от киберагрессии: личностные, к которым относились как пол, возраст, национальность, поведение в Сети, прошлый опыт виктимизации, так и психологические характеристики подростка, и ситуационные (контекстно-средовые) — место проживания, отношения между родителями и детьми, отношения со сверстниками, школьная среда [9; 18; 24; 32].

На ситуационном уровне роль родителей определялась как решающая, причем чрезмерный контроль и авторитарный стиль воспитания, а также семейные дисфункции и неблагоприятные отношения со взрослыми увеличивали риск вовлечения детей в кибербуллинг. Так, пренебрежение родительскими обязанностями, жестокое обращение с детьми, непоследовательность родителей в контроле поведения подростков в сети Интернет оказались связаны с прямой или косвенной угрозой кибервиктимизации. Напротив, при авторитет-

ном стиле воспитания, когда родители были сосредоточены на поведенческом контроле с четкими правилами и сочетанием мониторинга действий детей в Интернете и родительской теплоты, близкие отношения между родителями и детьми, открытое активное общение позволяли защитить их от киберагрессии [24].

Решающим для снижения онлайн-виктимизации подростков защитным фактором оказалось посредничество со стороны родителей [32], которое включало различные стратегии, применяемые взрослыми для контроля использования детьми Интернета и цифровых медиа. Обычно выделяют три категории этих стратегий: ограничительное посредничество, инструктивное посредничество и посредничество совместного просмотра. Ограничительное посредничество включает в себя контроль доступа к Сети, часто с использованием программного обеспечения ограничений контента; инструктивное посредничество предполагает установление правил обмена онлайн личной информацией, продолжительности пользования Интернетом и потребления контента. Посредничество совместного просмотра подразумевает участие родителей в онлайн-активности подростков: предоставление рекомендаций по использованию интернет-технологий и выбору подходящего веб-контента [32].

Для обеспечения безопасности подростка в Интернете родители чаще всего устанавливают правила его использования, которые касаются ограничений времени доступа и принципов надлежащего поведения, меньше правил касается общения с незнакомцами или ограничения доступа к агрессивному и сексуальному контенту. Использование родителями программного обеспечения для мониторинга интернет-активности подростков и установление правил посещения веб-сайтов значительно снижают вероятность того, что подростки станут жертвами кибербуллинга [32].

Факторы риска и защиты, обобщенные в аналитических обзорах зарубежных публикаций, чаще всего квалифицируются на основе социально-экологической модели природы и механизмов киберагрессии, которая требует оценки характера взаимодействия индивидуальных, межличностных, институциональных и социальных переменных в процессе возникновения кибербуллинга и кибервиктимизации [12; 18; 29; 34].

К факторам риска вовлечения подростков в кибербуллинг на индивидуальном уровне обычно относят: низкую самооценку, сниженный самоконтроль и социальный интеллект, недостаточный уровень развития эмпатии, высокую тревожность и агрессивность, социальное отчуждение, а также личный опыт участия в травле. Нетрудно заметить, что практически те же самые параметры определяются в исследованиях как негативные последствия киберагрессии. Стресс и суицидальные мысли также оцениваются одновременно и как риски, и как последствия кибербуллинга [12; 13; 17; 21]. Защитные факторы, препятствующие участию в кибербуллинге, включают высокую самооценку [7; 21], достаточный уровень саморегуляции и социальную компетентность [35].

На уровне семьи к рискам относятся негативная семейная среда и сексуальное насилие [9; 11; 21], к защитным факторам — поддержка со стороны родителей, эмоционально близкие отношения с ними [3; 17; 35], а также высокий социально-экономический статус семьи [17; 35]. Недостаточная поддержка сверстников оценивается как фактор риска кибервиктимизации [11; 17; 21], а позитивные отношения со сверстниками — как защитный ресурс [17; 35]. Школьный климат, безопасность образовательной среды, удовлетворенность школой и безопасная среда проживания подростка относятся к защищающим от киберагрессии контекстно-средовым факторам [21; 31; 35]. Стоит при этом заметить, что самый сильный эффект защиты от кибервиктимизации обнаруживают индивидуальные факторы, связанные с личностными компетенциями подростка, а также наличие ограничений использования интернет-ресурсов со стороны родителей [26; 29; 35].

Активный обмен личной информацией в Интернете, как и значительное время, проводимое подростком в соцсетях, являются основными ситуационно-средовыми факторами риска стать жертвой киберагрессии и киберпреступности [4], особенно если кто-то в интернет-сообществе злоупотребляет информацией или делится ей ненадлежащим образом, что может спровоцировать целенаправленную онлайн-травлю [29]. Важно также отметить, что практика киберпреследования в Интернете и социальных сетях постоянно расширяется и трансформируется, а значит, и факторы, лежащие в основе кибервиктимизации, также могут со временем меняться [10; 33].

Наряду с аналитически-обобщающими публикациями в последнее время появляется все больше сообщений о масштабных международных исследованиях, дизайн которых позволяет контролировать значительное количество экспериментальных факторов и увеличивать число дифференцирующих параметров. Так, в международном исследовании кибервиктимизации, проведенном, по образному выражению авторов, «на трех континентах», анализировались данные, полученные в Финляндии, Южной Корее, Испании и США. Всего в исследовании участвовали 4816 респондентов в возрасте от 15 до 25 лет. Эти четыре технологически развитые страны были выбраны, поскольку подростки и молодые люди в них являются активными пользователями Интернета и социальных сетей. Было установлено, что кибервиктимизация менее всего распространена в Корее, при том, что южнокорейские мужчины сообщали о большем количестве случаев кибербуллинга, чем женщины. В целом, около 20% респондентов из США, Финляндии и Испании и 6,7% корейцев подтвердили, что были жертвами киберпреследования.

В то же время данные о характере воздействия на проявления киберагрессии и кибервиктимизации гендерных, расовых, этнических и ряда других факторов по большей части оказались неоднозначными и, как это уже отмечалось, значительно варьировались в различных исследованиях [9; 13; 21]. В то же время, боль-

шинство авторов указывали на то, что женщины подвержены большему риску вовлечения в кибербуллинг [13; 17; 21; 22] и вдвое чаще заявляют о кибер-виктимизации, чем мужчины, возможно, в связи с более интенсивным использованием социальных сетей [5].

Необходимо отметить, что именно системно- и метааналитические исследования позволили установить общие закономерности взаимодействия, взаимосвязи и взаимовлияния многообразных факторов, провоцирующих, катализирующих и снижающих проявления киберагрессии. Однако анализ их содержания позволяет констатировать еще одно негативное последствие публикационного ажиотажа вокруг данной темы — постоянное воспроизведение на протяжении последних лет аналогичных научных результатов на все более укрупняющихся выборках с привлечением все новых территорий. Следует также добавить, что взаимообратимость основных исследуемых параметров в континууме «причина—следствие» плохо согласуется с основным принципом научного познания — принципом детерминизма, так как содержит в себе парадокс типа «Что было раньше — курица или яйцо?»

Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что кибербуллинг и кибервиктимизация, как две грани одной общей проблемы, сосуществуют в полифакторном пространстве множественной детерминации, где индивидуальные, социально-средовые и контекстные факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены, являясь одновременно предикторами, катализаторами и результатами киберагрессии. Неудивительно, что подростки быстро и жестко вовлекаются в порочный круг деструктивных виртуальных взаимоотношений. Очевидно также, что вряд ли возможно выявить и проконтролировать все риски и угрозы, ожидающие взрослеющего человека в «виртуальном зазеркалье» киберсоциализации. В то же время важно определить зоны наименьшего сопротивления — психологической уязвимости подростка, являющиеся непосредственными субъективными причинами-триггерами запуска процесса киберагрессии, с целью обеспечить его доступными и эффективными средствами «индивидуальной защиты».

В этой связи наиболее перспективным представляется предиспозиционный подход к анализу причин и механизмов кибервиктимизации подростков, который позволяет сфокусировать внимание специалистов на доступных для превентивной диагностики ключевых факторах уязвимости и оперативно осуществлять при возникновении необходимости таргетное корректирующее воздействие.

Предиспозиционные факторы кибервиктимизации подростков при кибербуллинге

Как уже отмечалось, киберагрессия является негативным последствием, побочным токсичным продуктом прогрессивного развития информационных технологий, пагубно воздействующим на жизнь людей по

всему миру; при этом кибербуллинг представляет собой наиболее распространенную виртуальную форму проявления социальной агрессии, с которой молодые люди в технологически развитых странах сталкиваются повсеместно и постоянно.

В приложении к данной проблеме «модель уязвимости», также известная как «модель предрасположенности», подразумевает, что определенные индивидуально-личностные характеристики могут повышать уязвимость человека по отношению к отдельным формам негативных средовых воздействий (здесь — к киберагрессии), а также влиять на появление, тяжесть и поддержание возникающей у него патологической симптоматики [2; 28]. В то время как исследовательская стратегия определения факторов риска/факторов защиты ориентирована преимущественно на синтез множества переменных и установление их места и взаимосвязей в общей системе детерминации киберагрессии, *модель предрасположенности* нацелена на выявление ключевых факторов уязвимости (*locus minoris resistenciae* — лат.) подростка по отношению к кибертравле. Очевидно, что предиспозиционные исследования извлекают эти факторы из результатов многочисленных публикаций и обзоров, но именно данная стратегия позволяет преодолеть обозначенную выше «дихотомию множественности»: неконтролируемую вариативность и навязчивую повторяемость результатов аналогичных полифакторных исследований.

Так, ряд зарубежных авторов фокусируются на отдельных личностных характеристиках, которые предрасполагают человека к агрессивному поведению и к виктимизации, как в реальной жизни, так и в Интернете. В частности, отмечают, что агрессоры демонстрируют недоброжелательность и повышенный нейротизм, закрытость и недобросовестность, что в сочетании с неразвитой эмпатией, импульсивностью, манипулятивными поведенческими паттернами и терпимостью к насилию делает их опасными для окружающих. В свою очередь, жертвы тоже имеют высокий уровень нейротизма, но также проявляют излишнюю открытость в сочетании с тенденцией быть менее настойчивыми, более зависимыми и ведомыми, чем их сверстники [2; 7; 23; 28].

В недавно проведенном в Италии исследовании личностных факторов уязвимости подростков по отношению к травле и кибертравле приняли участие 426 учащихся в возрасте 10—15 лет, посещавших среднюю школу в центральном районе Рима. Индивидуальной характеристикой, предрасполагающей подростка к вовлечению в киберагрессивное взаимодействие оказался сниженный эмоциональный самоконтроль: трудности с регулированием эмоций и поведенческих импульсов, особенно в конфликтных ситуациях, экстернализация негативных эмоций и склонность реагировать агрессией на провокации [7]. Кроме того, при высоком уровне экстраверсии, сниженной ответственности и тенденции к доминированию заметно возросла вероятность участия подростка в конфликте со

сверстниками в качестве агрессора или жертвы как в Сети, так и в реальной жизни [7; 18; 33; 35].

Похожее исследование проводилось в центральной части Турции и имело своей целью определение факторов, предрасполагающих подростков к буллингу и кибербуллингу. Выборка включала 1548 учащихся в возрасте 14—17 лет из двух случайным образом отобранных городских средних школ. В качестве независимых переменных выступили возраст, академический статус, пол, уровень образования родителей, семейный доход, характер семейных отношений, академические достижения, отношения со сверстниками, а также время и цели ежедневного использования Интернета. Многомерный логистический регрессионный анализ данных был выполнен отдельно для групп мальчиков и девочек. Значимыми факторами, предрасполагающими к буллингу и кибербуллингу, как у тех, так и у других, оказались сниженная академическая успешность и неудовлетворяющие подростка отношения со сверстниками [28], что согласуется с результатами ранее проводившихся исследований [9; 13; 21; 31]. Заметим, что в данном исследовании мальчики оказались в два раза более склонны к агрессивным проявлениям, чем девочки, как в сфере реальных, так и виртуальных отношений [28].

Практически в то же самое время было организовано исследование предиспозиционных факторов киберагрессии и кибервиктимизации среди румынских подростков [17], в котором приняли участие 835 учащихся, в возрасте от 10 до 19 лет, из городских и сельских средних школ, а также колледжей северо-восточной части Румынии. Наряду с упоминавшимися выше предиспозициями к вовлечению в кибербуллинг: академической ситуацией и отношениями со сверстниками, — было установлено, что подростки с высоким уровнем субъективного переживания одиночества менее готовы к личному общению и одновременно более открыты для общения и создания отношений в онлайн-среде, а также более склонны выкладывать в Сеть личную информацию: личные данные, фотографии, домашний адрес, номер телефона, свое местоположение и т. д., что значительно повышает их риск стать жертвой киберпреследования. Следует отметить, что основными целями использования учащимися интернет-сетей оказались общение (55,1%, $n = 460$) и развлечения (35,7%, $n = 298$), т. е. совместное времяпрепровождение, и в гораздо меньшей степени решение академических задач (9,2%, $n = 77$), что также повышало их уязвимость к киберагрессии [17].

Еще одно исследование, проведенное турецкими коллегами [9], было сфокусировано на ситуативных (контекстных) предиспозиционных факторах кибервиктимизации, связанных с доступностью киберконтента и недостаточным контролем за интернет-активностью подростков со стороны родителей, в частности, использование ими приложения Instagram, онлайн-игр, нахождение в Интернете более трех часов в день и открытое размещение в Сети личной информации.

Исследование выявило практически линейную взаимосвязь между риском кибервиктимизации и ежедневным временем, проводимым подростком в Сети, при этом безлимитный Интернет, как и отсутствие семейных мер кибербезопасности и родительского контроля, увеличивали кибервиктимизацию несовершеннолетних в 2,4 раза. Было установлено, что большинство подростков предпочитают не реагировать на издевательства, с которыми они сталкиваются в Сети: не делятся данной информацией со своими родителями или учителями, а используют как метод преодоления возникающих проблем разговор с друзьями. В то же время именно помощь взрослого исключительно важна для предотвращения случаев кибербуллинга и своевременного вмешательства, если подобные события происходят [9].

В упомянутом выше международном исследовании психологических последствий киберпреследования, проведенном «на трех континентах» [13], авторы применили интегративную модель кибервиктимизации, что позволило объединить в общем концепте ситуативные, индивидуально-личностные и межличностные предиспозиционные факторы. Их анализ показал, что посещение потенциально опасных веб-сайтов, активный обмен контентом в социальных сетях и одиночество связаны с более высокой вероятностью стать жертвой киберпреследований, как и компульсивное поведение в Интернете, низкий самоконтроль, использование различных социальных сетей и интернет-зависимость [13].

Заметим, что субъективное переживание одиночества, как симптом дефицита близких социальных отношений, оказалось значимым предиспозиционным фактором кибервиктимизации во всех четырех странах. Поскольку сервисы социальных сетей функционируют как источник удовлетворения социальных потребностей, они могут предоставлять людям возможность уменьшить чувство одиночества и несоответствия между желаемыми и имеющимися социальными связями, что, в свою очередь, приводит к компенсаторно-компульсивному использованию Интернета и повышает риск киберпреследования. Что касается личностных предиспозиционных факторов, то импульсивность была положительно связана с кибервиктимизацией в США, Финляндии и Испании, но не в Южной Корее, а самооффективность оказалась защитным фактором от киберпреследований в США, Финляндии и Южной Корее, но не в Испании. Наконец, только в США возраст и пол были связаны с кибервиктимизацией: американские женщины и старшие участники опроса с большей вероятностью подвергались киберпреследованию. В целом, слабую вовлеченность демографических факторов можно объяснить тем, что подростки и молодые люди обоих полов и всех возрастных групп в технически развитых странах пользуются Интернетом и социальными сетями практически постоянно, и их вероятность столкнуться с киберагрессией практически одинакова [13].

В метаанализе результатов 56 лонгитюдных исследований кибербуллинга и кибервиктимизации в подростковом и юношеском возрасте рассчитывалась величина эффекта по каждому предиспозиционному фактору [31]. Было установлено, что депрессия, тревожность, употребление психоактивных веществ в сочетании с многочасовым и проблематичным использованием Интернета являются факторами, предрасполагающими к кибервиктимизации. Что же касается киберагрессии и кибервиктимизации как результата интернализации проблем и экстернализации проблемного поведения, то киберпреследование нельзя считать следствием депрессии, тревожности или низкого уровня эмпатии и самооценки. Киберагрессия это скорее результат поведенческих и личностных проблем молодого человека, таких как негативные переживания по отношению к сверстникам или академические трудности, а Интернет предоставляет множество возможностей для эмоционального отреагирования агрессии и травли других. С другой стороны, результаты метаанализа подтвердили, что кибержертвы, как правило, обладают определенными характеристиками, которые могут сделать их более уязвимыми по отношению к киберагрессии [31].

В большинстве зарубежных публикаций неизменно отмечается, что ежедневный неограниченный доступ в Интернет и рискованное поведение в Сети, в частности посещение потенциально вредоносных сайтов, повышают уязвимость молодых людей по отношению к киберагрессии, особенно когда пользователь намеренно или ненамеренно делится информацией о себе [4; 10; 26; 27; 29].

Обобщая представленные результаты исследований, можно выделить следующие группы предиспозиционных факторов кибервиктимизации подростков, которые прежде всего привлекают внимание зарубежных специалистов:

системные — проблемы функционирования в социальных системах: семейные, академические, отношения со сверстниками;

контекстные (ситуационные) — неконтролируемое, рискованное и проблематичное использование интернет-сетей;

личностные — переживание одиночества, проблемы эмоциональной саморегуляции и самоконтроля поведения;

симптоматические — депрессия, тревожность, психосоматозы (интернализация) и нарушения поведения (экстернализация психологических проблем).

Следует заметить, что с целью профилактики кибервиктимизации и оказания эффективной психологической помощи жертвам киберагрессии важно сфокусировать внимание на двух группах факторов: *контекстных и личностных*, — так как системные факторы труднее всего поддаются коррекции и требуют длительной работы, а симптоматические воздействия, как правило, не способствуют разрешению проблем. В своем исследовании [3], проведенном в рамках моде-

ли предрасположенности, мы опирались на выводы аналитических обзоров современных зарубежных публикаций по проблеме подростковой киберагрессии/кибервиктимизации, сосредоточив внимание на доступных для оперативного воздействия предиспозиционных факторах.

Проблематичное использование Интернета и поведенческие установки как факторы предрасположенности подростков к кибервиктимизации

Наше исследование [3] было организовано с целью анализа и оценки двух предиспозиционных факторов кибервиктимизации подростков: (1) *контекстного* — проблематичное использование интернет-сетей, и (2) *личностного* — поведенческие установки в ситуациях межличностного взаимодействия, а также для сравнения полученных результатов с выводами зарубежных коллег. Выбор этих факторов был обусловлен их недостаточной изученностью в связи с обсуждаемой проблемой. Так, в качестве предиспозиций к киберагрессии/кибервиктимизации в большинстве зарубежных исследований рассматривается время нахождения подростка в Интернете и рискованное поведение в Сети, а проблематичное использование Интернета чаще всего остается фактором, требующим дальнейшего изучения [10; 16; 26; 27; 30]. Что касается поведенческих установок, они, как это ни странно, оказались вне поля зрения специалистов, сосредоточивших свое внимание преимущественно на нарушениях поведения и оценке межличностных отношений подростков [20; 24; 28; 30; 32].

В то же время, феномены киберпреследования и кибервиктимизации являются отражением интерпсихологических проблем межличностной коммуникации подростков, взаимодействующих исходя из сформировавшихся у каждого из них социальных установок и поведенческих паттернов. Кроме того, именно в процессе межличностного онлайн-взаимодействия проявляют себя описанные в ряде зарубежных публикаций факторы «экстернализации» и «интернализации» киберагрессии.

В исследовании приняли добровольное участие 72 подростка — учащихся школ и колледжей из Москвы, Уфы, Стерлитамака и Казани, в возрасте 14—15 лет (средний возраст — 14,7), из них 29 юношей и 43 девушки, подписчики психологического информационного блога.

Все респонденты отвечали на вопросы анкеты, разработанной для определения характера их активности в онлайн-среде, степени вовлечения в кибербуллинг и осведомленности о способах защиты от киберагрессии. Опрос показал, что «...около половины подростков проводят в Сети более 6 часов в день, используя Интернет преимущественно для общения (40%), развлечений (25—30%), поиска информации (10—15%) и решения академических задач (10—20%) [3], что ана-

логично данным зарубежных коллег [13], а также свидетельствует о высокой уязвимости к киберагрессии. Практически всем учащимся (94%) приходилось сталкиваться с проявлениями кибербуллинга, 30% респондентов сами когда-либо оскорбляли партнеров по киберкоммуникации, при этом только половина опрошенных знали, как можно защитить себя от киберагрессии. Кроме того, 72,2% (n = 52) подростков имели опыт кибержертвы, и 27,8% (n = 20) никогда не подвергались киберпреследованию» [3, с. 207].

Ключевым предиспозиционным фактором кибервиктимизации оказалась склонность к проблематичному использованию Интернета [1]: для подростков, пострадавших от киберагрессии, «было более характерно переживание одиночества в реальных межличностных отношениях и чувство комфорта в пространстве виртуального общения. Кроме того, у них наблюдалось снижение самоконтроля в отношении времени использования Интернета как предпосылка к формированию интернет-зависимости» [3, с. 208].

«Многомерный корреляционный анализ показателей проблематичного использования Интернета в двух выделенных группах обнаружил тесные взаимосвязи всех показателей» [3, с. 208]. Общим для подростков было усиление компенсаторного использования виртуального пространства общения при возрастании дефицита близких отношений в реальном взаимодействии (r = 0,72—0,74), трудности с контролем времени при использовании интернет-сетей в целях отвлечения (r = 0,65—0,74), а также повышение риска проблематичного использования Интернета при возрастании чувства комфорта при его использовании (r = 0,68—0,87). Корреляционные плеяды взаимосвязей показателей в группах представлены на рис. 1.

Следует отметить, что «...у подростков, имеющих опыт кибержертвы, чувство одиночества в реальном

общении практически детерминирует поиск комфортных виртуальных отношений (r = 0,88) и отвлечения в киберпространстве (r = 0,56), а также способствует снижению контроля времени использования Интернета (r = 0,65). Несомненно, что общение в Сети не способствует решению проблем реальных межличностных отношений, а жесткие корреляционные связи указывают на формирование у этих подростков паттерна компенсаторно-зависимого поведения в киберсреде» [3, с. 209]. Данный результат согласуется с выводами зарубежных коллег [17].

«У подростков, не имеющих опыта онлайн-травли, проблематичное использование Интернета не было связано с трудностями реальных взаимоотношений, хотя усиление чувства одиночества способствовало поиску комфорта в сетевом общении. Более того, имела место отрицательная корреляция между шкалой одиночества и шкалой отвлечения (r = -0,99), т. е. чем более одинокими чувствовали себя подростки данной группы, тем менее они были склонны искать отвлечение в Интернете и тем менее они от него зависели (r = -0,68)» [3, с. 209]. Таких результатов в зарубежных публикациях нам не встречалось, что указывает на необходимость специального анализа психологического статуса подростков группы риска, предрасположенных к кибервиктимизации.

Оценка второго, личностного, предиспозиционного фактора — поведенческих установок в ситуациях межличностного взаимодействия — проводилась при сравнении показателей коммуникативной толерантности респондентов.

Следует отметить, что подростки в целом продемонстрировали достаточную терпимость по отношению к партнерам по общению. В то же время «...для тех, кто имел опыт кибервиктимизации, оказалась характерна большая категоричность и консерватизм в оценке дру-

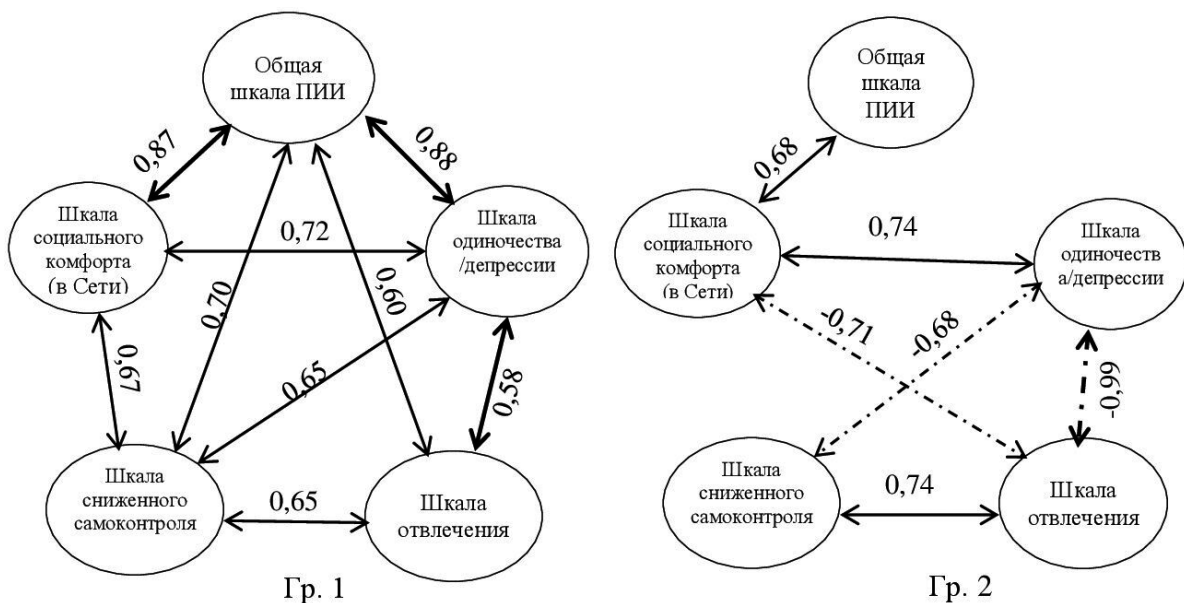

Рис. 1. Плеяды взаимосвязей показателей проблематичного использования Интернета в группах подростков, пострадавших (гр. 1) и не пострадавших (гр. 2) от киберагрессии

гих людей, им было труднее скрывать свои эмоции и сглаживать неприятные чувства при столкновении с отдельными качествами партнеров по общению. Эти подростки, с одной стороны, стремились подогнать партнера под себя, а с другой — приспособиться к его характеру, привычкам и желаниям» [3, с. 210].

Столь противоречивые когнитивно-поведенческие паттерны, скорее всего, являются результатом экстернизации в отношениях со сверстниками интериоризованной в семейной системе авторитарной модели межличностного общения при сохранении зависимой от значимого другого «детской» позиции. Данный механизм позволяет объяснить причину предрасположенности к кибервиктимизации подростков из семей с авторитарным стилем воспитания, описанной в зарубежных публикациях [24]. Внутренний конфликт между ригидными интолерантными социальными установками и стремлением приспособиться к другому человеку в сочетании со снижением эмоционального контроля в общении является личностным предиспозиционным фактором кибервиктимизации подростка.

В то же самое время подростки из второй группы, не имеющие опыта жертвы киберагрессии, были «... менее склонны использовать себя в качестве эталона поведения и категорично оценивать других, более способны сдерживать негативные эмоции, возникающие при общении, а также в меньшей степени стремились изменить партнера» [3, с. 212]. Скорее всего, более гибкие и продуктивные социальные установки в этой группе подростков являются интрапсихическим отражением авторитетно-демократического стиля детско-родительских отношений, на что также указывалось в зарубежных публикациях [24].

Таким образом, характерная для подростков повышенная уязвимость к киберагрессии, с одной стороны, обусловлена ситуационно-средовыми факторами — значительным временем, проводимым в онлайн-среде с целью общения и развлечения и недостаточной осведомленностью о средствах защиты от кибербуллинга при слабом контроле ситуации со стороны взрослых. В то же время проблематичное использование Интернета становится фактором повышенной уязвимости к киберагрессии не у всех подростков: риск кибервиктимизации возрастает в случае компенсаторной замены реального пространства межличностных отношений на его виртуальный «суррогат».

В свою очередь, личностным фактором, провоцирующим виктимные отношения в виртуальном пространстве, являются интолерантные социальные установки подростка, его нетерпимость к отдельным проявлениям партнера по коммуникации, что в сочетании со стремлением приспособиться к другому человеку служит источником постоянного внутреннего конфликта и затрудняет контроль эмоциональных реакций в общении.

Результаты проведенного исследования во многом согласуются с позициями зарубежных авторов в отношении ситуационных и личностных факторов пред-

расположенности подростков к кибервиктимизации и позволяют наметить направления дальнейших исследований психологических механизмов их вовлечения в межличностную коммуникацию в роли кибержертвы, а в то же время избежать опасности все большей глобализации и обезличивания научных психологических исследований.

Заключение

Социальная ситуация развития современного подростка представляет собой конгломерат двух взаимно проникающих взаимообусловленных сред: реального пространства социальных контактов и межличностного взаимодействия и киберпространства — виртуального отражения многообразия сложнейших взаимосвязей человека с миром. Заметим, что виртуальный мир, как любое отражение, является «превращенной формой» (М.К. Мамардашвили) социальной реальности, которая ее не только отражает, но и искажает, а также функционирует зачастую по своим собственным, «превращенным» законам. Дети и подростки, оказавшись в двойном пространстве социализации, несомненно, нуждаются в эффективном посредничестве и сопровождении взрослых в каждой из этих сред.

Неудивительно, что согласно результатам многочисленных зарубежных исследований, родительское посредничество, поддержка взрослых и хорошие отношения со сверстниками действуют как надежная защита от киберагрессии, в то время как семейные дисфункции и пренебрежение потребностями ребенка, а также отторжение со стороны сверстников, неблагоприятная образовательная среда и академические проблемы значительно увеличивают риск вовлечения подростка в киберагрессию и предрасполагают к кибервиктимизации.

Проведенный нами анализ современных зарубежных исследований факторов риска кибервиктимизации подростков обнаружил активный, постоянно растущий интерес психологов к проблеме киберагрессии, обратной стороной которого является, с одной стороны, не поддающийся контролю разброс анализируемых показателей, что ставит под сомнение обоснованность отдельных научных выводов, а с другой — воспроизведение повторяющихся аналогичных результатов, не выходящих за рамки обобщающих классификаций взаимосвязанных факторов.

Предиспозиционная модель может быть использована для разрешения возникшего противоречия, она также эффективна в тех научных исследованиях, которые проводятся с целью определения конкретных мишеней оказания психологической помощи жертвам кибербуллинга, поскольку позволяет сосредоточить внимание не на тестовых показателях, а на психологических механизмах полифакторной детерминации киберагрессии и определить ключевые зоны виртуальной уязвимости подростка в онлайн-среде.

Такие исследования особенно актуальны, если принимать во внимание, что пользователи Интернета с каждым годом становятся все моложе, а повсеместная доступность мобильных технических устройств и пред-

почтения подростков в отношении платформ социальных сетей постоянно создают новые возможности как для распространения киберагрессии, так и для кибервиктимизации.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Психология интернет-коммуникации: учеб. пособие [Электронный ресурс]. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 192 с. URL: <https://cyberpsy.ru/literature/psihologiya-internet-kommunikatsii-belinskaya/> (дата обращения: 18.06.2024).
2. *Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А.* Кибербуллинг и виктимизация: обзор современных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 273—292. DOI:10.32744/pse.2020.5.19
3. *Екимова В.И., Козлова А.Б., Левченко А.В.* Кибербуллинг — вызов психологической безопасности и психологическому благополучию подростка [Электронный ресурс] // Личностные ресурсы антистарения / Под ред. Т.Н. Березиной, А.В. Литвиновой. М.: Русайнс, 2024. С. 198—214. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54894703> (дата обращения: 18.06.2024).
4. *Aizenkot D.* Social networking and online self-disclosure as predictors of cyberbullying victimization among children and youth // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 119. Article ID 105695. 10 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105695
5. *Ansary N.S.* Cyberbullying: Concepts, theories, and correlates informing evidence-based best practices for prevention // Aggression and Violent Behavior. 2020. Vol. 50. Article ID 101343. 9 p. DOI:10.1016/j.avb.2019.101343
6. Are cyberbullying intervention and prevention programs effective? A systematic and meta-analytical review / H. Gaffney, D.P. Farrington, D.L. Espelage, M.M. Ttofi // Aggression and Violent Behavior. 2019. Vol. 45. P. 134—153. DOI:10.1016/j.avb.2018.07.002
7. Bullying and cyberbullying: Do personality profiles matter in adolescence? / A. Favini, M. Gerbino, C. Pastorelli, A. Zuffiano, C. Lunetti, C. Remondi, F. Cirimele, M.G. Plata, A.M. Giannini // Telematics and Informatics Reports. 2023. Vol. 12. Article ID 100108. 10 p. DOI:10.1016/j.teler.2023.100108
8. *Chen Y., Zhu J.* Longitudinal Associations between cybervictimization and adolescent sleep problems: The role of anxiety and depressive symptoms // Journal of Interpersonal Violence. 2023. Vol. 38. № 3—4. P. 2806—2827. DOI:10.1177/08862605221102485
9. Cyber victimization, coping methods, and attitudes of the family toward internet use in adolescents applying to the child and adolescent psychiatry department during the pandemic / İ.D. Çimen, F.D. Acar, E. Şentürk, N.B. Annaç, M. Erarkadaş, A.A. Özboduroğlu // Turkish Journal of Child and Adolescent Mental Health. 2024. Vol. 31. № 1. P. 62—75. DOI:10.4274/tjcamh.galenos.2022.92486
10. Cyberbullying among adolescents and children: A comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures / C. Zhu, S. Huang, R. Evans, W. Zhang // Frontiers in Public Health. 2021. Vol. 9. Article ID 634909. 12 p. DOI:10.3389/fpubh.2021.634909
11. Cyberbullying perpetration and victimization among children and adolescents: A systematic review of longitudinal studies / A.-L. Camerini, L. Marciano, A. Carrara, P.J. Schulz // Telematics and Informatics. 2020. Vol. 49. Article ID 101362. 13 p. DOI:10.1016/j.tele.2020.101362
12. Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention / P. Peprah, M.S. Oduro, R. Okwei, C. Adu, B.Y. Asiamah-Asare, W. Agyemang-Duah // BMC Psychiatry. 2023. Vol. 23. Article ID 944. 12 p. DOI:10.1186/s12888-023-05268-9
13. Cyberharassment victimization on three continents: An integrative approach / M. Mikkola, N. Ellonen, M. Kaakinen, I. Savolainen, A. Sirola, I. Zych, H.-J. Paek, A. Oksanen // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19. № 19. Article ID 12138. 15 p. DOI:10.3390/ijerph191912138
14. Cyber-victimization and its effect on depression in adolescents: A systematic review and meta-analysis / H.G.N. Tran, T.T. Thai, N.T.T. Dang, D.K. Vo, M.Y.T. Duong // Trauma, Violence & Abuse. 2023. Vol. 24. № 2. P. 1124—1139. DOI:10.1177/15248380211050597
15. Epidemiology of cyber dating abuse victimization in adolescence and its relationship with health-related quality of life: A longitudinal study / J. Ortega-Barón, I. Montiel, J.M. Machimbarrena, L. Fernández-González, E. Calvete, J. González-Cabrera // Youth & Society. 2022. Vol. 54. № 5. P. 711—729. DOI:10.1177/0044118X20980025
16. EU kids online 2020: Survey results from 19 countries / D. Smahel, H. Machackova, G. Mascheroni, L. Dedkova, E. Staksrud, K. Ólafsson, S. Livingstone, U. Hasebrink. London: EU Kids Online, 2020. 157 p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj010fo
17. Exploring the importance of gender, family affluence, parenting style and loneliness in cyberbullying victimization and aggression among romanian adolescents / M. Iorga, L.M. Pop, I. Croitoru, E. Hanganu, D.T. Anton-Păduraru // Behavioral Sciences. 2022. Vol.12. № 11. Article ID 457. 16 p. DOI:10.3390/bs12110457
18. *Harasgama K.S., Jayathilaka K.M.M.M.* A Conceptual framework on predictors of cyberbullying victimization // Sri Lanka Journal of Social Sciences and Humanities. 2023. Vol. 3. № 2. P. 79—86. DOI:10.4038/sljssh.v3i2.102

19. *Holfeld B., Mishna F.* Internalizing symptoms and externalizing problems: Risk factors for or consequences of cyber victimization? // *Journal of Youth and Adolescence*. 2019. Vol. 48. P. 567—580. DOI:10.1007/s10964-018-0974-7
20. Joint trajectories of cyberbullying perpetration and victimization: Associations with psychosocial adjustment / A. Camacho, P.K. Smith, R. Ortega-Ruiz, E.M. Romera // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 148. Article ID 107924. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2023.107924
21. *Kowalski R.M., Limber S.P., McCord A.* A developmental approach to cyberbullying: Prevalence and protective factors // *Aggression and Violent Behavior*. 2019. Vol. 45. P. 20—32. DOI:10.1016/j.avb.2018.02.009
22. *Lozano-Blasco R., Quilez-Robres A., Latorre-Coscolluela C.* Sex, age and cyber-victimization: A meta-analysis // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 139. Article ID 107491. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2022.107491
23. *Marciano L., Schulz P.J., Camerini A.-L.* Cyberbullying Perpetration and Victimization in Youth: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2020. Vol 25. № 2. P. 163—181. DOI:10.1093/jcmc/zmz031
24. *Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F.* Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 93. P. 252—259. DOI:10.1016/j.chb.2018.12.031
25. *Ng E.D., Chua J.Y.X., Shorey S.* The effectiveness of educational interventions on traditional bullying and cyberbullying among adolescents: A systematic review and meta-analysis // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2022. Vol. 23. № 1. P. 132—151. DOI:10.1177/1524838020933867
26. Please browse responsibly: A correlational examination of technology access and time spent online in the Barlett Gentile Cyberbullying mode / C.P. Barlett, C.S. Madison, J.B. Heath, C.C. DeWitt // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 92. P. 250—255. DOI:10.1016/j.chb.2018.11.013
27. *Quynh Ho T.T., Nguyen H.T.* Self-disclosure on social networking sites, loneliness and psychological distress among adolescents: The mediating effect of cyber victimization // *European Journal of Developmental Psychology*. 2023. Vol. 20. № 1. P. 172—188. DOI:10.1080/17405629.2022.2068523
28. *ahin S.S., Ayaz-Alkaya S.* Prevalence and predisposing factors of peer bullying and cyberbullying among adolescents: A cross-sectional study // *Children and Youth Services Review*. 2023. Vol. 155. Article ID 107216. 9 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2023.107216
29. *Strohmeier D., Gradinger P.* Cyberbullying and cyber victimization as online risks for children and adolescents // *European Psychologist*. 2022. Vol. 27. № 2. P. 141—150. DOI:10.1027/1016-9040/a000479
30. The family context in cybervictimization: A systematic review and meta-analysis / A. Soto Sánchez, B. Romero González, R. Lozano Blasco, A. Barreiro Collazo // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2024. Vol. 25. № 3. P. 2143—2157. DOI:10.1177/15248380231207894
31. Victimization and cybervictimization: The role of school factors / L. Menabò, G. Skrzypiec, P. Slee, A. Guarini // *Journal of Adolescence*. 2024. Vol. 96. № 3. P. 598—611. DOI:10.1002/jad.12284
32. *Wright M.F.* The role of parental mediation and age in the associations between cyberbullying victimization and bystanding and children's and adolescents' depression // *Children*. 2024. Vol. 11. № 7. Article ID 777. 11 p. DOI:10.3390/children11070777
33. *Xiao B., Shapka J.D.* Developmental trajectories of cybervictimization among canadian adolescents: The impact of socializing online and sharing personal information // *Child & Family Social Work*. 2024. Online Version of Record before inclusion in an issue. DOI:10.1111/cfs.13207
34. *Zhang J., Yang Y., Lian R.* The relationship between cyberbullying victimization and cyberbullying perpetration: The role of social responsibility // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. Article ID 995937. 14 p. DOI:10.3389/fpsy.2022.995937
35. *Zych I., Farrington D.P., Tlofi M.M.* Protective factors against bullying and cyberbullying: A systematic review of meta-analyses // *Aggression and Violent Behavior*. 2019. Vol. 45. P. 4—19. DOI:10.1016/j.avb.2018.06.008

References

1. Belinskaya E.P. Psikhologiya internet-kommunikatsii: uchebnoe posobie [Psychology of Internet Communication] [Electronic resource]. Moscow: MPSU; Voronezh: MODEK, 2013. 192 p. URL: <https://cyberpsy.ru/literature/psihologiya-internet-kommunikatsii-belinskaya/> (Accessed 18.06.2024). (in Russ.).
2. Deineka O.S., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A. Kiberbulling i viktimizatsiya: obzor sovremennykh publikatsii [Cyberbullying and victimization: a review of modern publications]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2020, no. 5 (47), pp. 273—292. DOI:10.32744/pse.2020.5.19 (in Russ.).
3. Ekimova V.I., Kozlova A.B., Levchenko A.V. Kiberbulling — vyzov psikhologicheskoi bezopasnosti i psikhologicheskomu blagopoluchiyu podrostanta [Cyberbullying is a challenge to the psychological safety and psychological well-being of teenagers] [Electronic resource]. In Berezina T.N., Litvinova A.V. (eds.), *Lichnostnye resursy antistareniya [Personal anti-aging resources]*. Moscow: Rusains, 2024, pp. 198—214. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54894703> (Accessed 18.06.2024). (in Russ.).
4. Aizenkot D. Social networking and online self-disclosure as predictors of cyberbullying victimization among children and youth. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 119, article ID 105695. 10 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105695

5. Ansary N.S. Cyberbullying: Concepts, theories, and correlates informing evidence-based best practices for prevention. *Aggression and Violent Behavior*, 2020. Vol. 50, article ID 101343. 9 p. DOI:10.1016/j.avb.2019.101343
6. Gaffney H., Farrington D.P., Espelage D.L., Ttofi M.M. Are cyberbullying intervention and prevention programs effective? A systematic and meta-analytical review. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 45, pp. 134—153. DOI:10.1016/j.avb.2018.07.002
7. Favini A., Gerbino M., Pastorelli C., Zuffiano A., Lunetti C., Remondi C., Cirimele F., Plata M.G., Giannini A.M. Bullying and cyberbullying: Do personality profiles matter in adolescence? *Telematics and Informatics Reports*, 2023. Vol. 12, article ID 100108. 10 p. DOI:10.1016/j.teler.2023.100108
8. Chen Y., Zhu J. Longitudinal Associations between cybervictimization and adolescent sleep problems: The role of anxiety and depressive symptoms. *Journal of Interpersonal Violence*, 2023. Vol. 38, no. 3-4, pp. 2806—2827. DOI:10.1177/08862605221102485
9. Çimen İ.D., Acar F.D., Şentürk E., Annaç N.B., Erarkadaş M., Özboduroğlu A.A. Cyber victimization, coping methods, and attitudes of the family toward internet use in adolescents applying to the child and adolescent psychiatry department during the pandemic. *Turkish Journal of Child and Adolescent Mental Health*, 2024. Vol. 31, no. 1, pp. 62—75. DOI:10.4274/tjcamh.galenos.2022.92486
10. Zhu C., Huang S., Evans R., Zhang W. Cyberbullying among adolescents and children: A comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures. *Frontiers in Public Health*, 2021. Vol. 9, article ID 634909. 12 p. DOI:10.3389/fpubh.2021.634909
11. Camerini A.-L., Marciano L., Carrara A., Schulz P.J. Cyberbullying perpetration and victimization among children and adolescents: A systematic review of longitudinal studies. *Telematics and Informatics*, 2020. Vol. 49, article ID 101362. 13 p. DOI:10.1016/j.tele.2020.101362
12. Peprah P., Oduro M.S., Okwei R., Adu C., Asiamah-Asare B.Y., Agyemang-Duah W. Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention. *BMC Psychiatry*, 2023. Vol. 23, article ID 944. 12 p. DOI:10.1186/s12888-023-05268-9
13. Mikkola M., Ellonen N., Kaakinen M., Savolainen I., Sirola A., Zych I., Paek H.-J., Oksanen A. Cyberharassment victimization on three continents: An integrative approach. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 19, article ID 12138. 15 p. DOI:10.3390/ijerph191912138
14. Tran H.G.N., Thai T.T., Dang N.T.T., Vo D.K., Duong M.Y.T. Cyber-victimization and its effect on depression in adolescents: A systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence & Abuse*, 2023. Vol. 24, no. 2, pp. 1124—1139. DOI:10.1177/15248380211050597
15. Ortega-Barón J., Montiel I., Machimbarrena J.M., Fernández-González L., Calvete E., González-Cabrera J. Epidemiology of cyber dating abuse victimization in adolescence and its relationship with health-related quality of life: A longitudinal study. *Youth & Society*, 2022. Vol. 54, no. 5, pp. 711—729. DOI:10.1177/0044118X20980025
16. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU kids online 2020: Survey results from 19 countries. London: EU Kids Online, 2020. 157 p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo
17. Iorga M., Pop L.M., Croitoru I., Hanganu E., Anton-Păduraru D.T. Exploring the importance of gender, family affluence, parenting style and loneliness in cyberbullying victimization and aggression among romanian adolescents. *Behavioral Sciences*, 2022. Vol.12, no. 11, article ID 457. 16 p. DOI:10.3390/bs12110457
18. Harasgama K.S., Jayathilaka K.M.M.M. A conceptual framework on predictors of cyberbullying victimization. *Sri Lanka Journal of Social Sciences and Humanities*, 2023. Vol. 3, no. 2, pp. 79—86. DOI:10.4038/sljssh.v3i2.102
19. Holfeld B., Mishna F. Internalizing symptoms and externalizing problems: Risk factors for or consequences of cyber victimization? *Journal of Youth and Adolescence*, 2019. Vol. 48, pp. 567—580. DOI:10.1007/s10964-018-0974-7
20. Camacho A., Smith P.K., Ortega-Ruiz R., Romera E.M. Joint trajectories of cyberbullying perpetration and victimization: Associations with psychosocial adjustment. *Computers in Human Behavior*, 2023. Vol. 148, article ID 107924. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2023.107924
21. Kowalski R.M., Limber S.P., McCord A. A developmental approach to cyberbullying: Prevalence and protective factors. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 45, pp. 20—32. DOI:10.1016/j.avb.2018.02.009
22. Lozano-Blasco R., Quilez-Robres A., Latorre-Coscolluela C. Sex, age and cyber-victimization: A meta-analysis. *Computers in Human Behavior*, 2023. Vol. 139, article ID 107491. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2022.107491
23. Marciano L., Schulz P.J., Camerini A.-L. Cyberbullying perpetration and victimization in youth: A meta-analysis of longitudinal studies. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2020. Vol 25, no. 2, pp. 163—181. DOI:10.1093/jcmc/zmz031
24. Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F. Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 93, pp. 252—259. DOI:10.1016/j.chb.2018.12.031
25. Ng E.D., Chua J.Y.X., Shorey S. The effectiveness of educational interventions on traditional bullying and cyberbullying among adolescents: A systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2022. Vol. 23, no. 1, pp. 132—151. DOI:10.1177/1524838020933867
26. Barlett C.P., Madison C.S., Heath J.B., DeWitt C.C. Please browse responsibly: A correlational examination of technology access and time spent online in the Barlett Gentile Cyberbullying mode. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 92, pp. 250—255. DOI:10.1016/j.chb.2018.11.013

27. Quynh Ho T.T., Nguyen H.T. Self-disclosure on social networking sites, loneliness and psychological distress among adolescents: The mediating effect of cyber victimization. *European Journal of Developmental Psychology*, 2023. Vol. 20, no. 1, pp. 172—188. DOI:10.1080/17405629.2022.2068523
28. Şahin S.S., Ayaz-Alkaya S. Prevalence and predisposing factors of peer bullying and cyberbullying among adolescents: A cross-sectional study. *Children and Youth Services Review*, 2023. Vol. 155, article ID 107216. 9 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2023.107216
29. Strohmeier D., Gradinger P. Cyberbullying and cyber victimization as online risks for children and adolescents. *European Psychologist*, 2022. Vol. 27, no. 2, pp. 141—150. DOI:10.1027/1016-9040/a000479
30. Soto Sánchez A., Romero González B., Lozano Blasco R., Barreiro Collazo A. The family context in cybervictimization: A systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2024. Vol. 25, no. 3, pp. 2143—2157. DOI:10.1177/15248380231207894
31. Menabò L., Skrzypiec G., Slee P., Guarini A. Victimization and cybervictimization: The role of school factors. *Journal of Adolescence*, 2024. Vol. 96, no. 3, pp. 598—611. DOI:10.1002/jad.12284
32. Wright M.F. The role of parental mediation and age in the associations between cyberbullying victimization and bystanding and children's and adolescents' depression. *Children*, 2024. Vol. 11, no. 7, article ID 777. 11 p. DOI:10.3390/children11070777
33. Xiao B., Shapka J.D. Developmental trajectories of cybervictimization among canadian adolescents: The impact of socializing online and sharing personal information. *Child & Family Social Work*, 2024. Online Version of Record before inclusion in an issue. DOI:10.1111/cfs.13207
34. Zhang J., Yang Y., Lian R. The relationship between cyberbullying victimization and cyberbullying perpetration: The role of social responsibility. *Frontiers in Psychiatry*, 2022. Vol. 13, article ID 995937. 14 p. DOI:10.3389/fpsy.2022.995937
35. Zych I., Farrington D.P., Ttofi M.M. Protective factors against bullying and cyberbullying: A systematic review of meta-analyses. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 45, pp. 4—19. DOI:10.1016/j.avb.2018.06.008

Информация об авторах

Екимова Валентина Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Брыкова Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [ORCID: https://orcid.org/0009-0005-0748-4268](https://orcid.org/0009-0005-0748-4268), e-mail: rea039@mail.ru

Козлова Алина Борисовна, аспирантка кафедры социальной и политической психологии факультета психологии, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Литвинова Анна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Information about the authors

Valentina I. Ekimova, Doctor of Psychology, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Elena Ju. Brykova, PhD in Psychology, Lecture, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: [ORCID: https://orcid.org/0009-0005-0748-4268](https://orcid.org/0009-0005-0748-4268), e-mail: rea039@mail.ru

Alina B. Kozlova, PhD Student, Department of Social & Political Psychology, State University of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Anna V. Litvinova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Получена 01.08.2024

Received 01.08.2024

Принята в печать 20.09.2024

Accepted 20.09.2024